
ТЕРРИТОРИЯ ПАМЯТИ

Марианна ДУДАРЕВА

НЕВЕДОМЫЙ ВАДИМ ШЕФНЕР: АПОФАТИКА ЛЮБВИ

Мы знаем в первую очередь его как фантаста, прозаика по циклу «Сказки для умных», произведениям «Девушка у обрыва», «Лачуга должника», «Рай на взрывчатке», «Съедобные сны, или Ошибка доброго мудреца», «Небесный подкидывш, или Исповедь трусоватого храбреца». Мы знаем его как ретрограда и преданного ленинградца. Мы почти не знаем его как поэта, хотя его иронические четверостишия широко расходились в массах, а некоторые стихи пронзительно зияли на корочках удостоверений медалей «За оборону Ленинграда». Отчего это все?

Может быть, потому, что Вадим Шефнер прожил так много для поэта — 86 лет? Может быть, потому, что его стихи до 1950-х годов почти не печатали после исповедального сборника о войне «Пригород»? А может, у этого поэта была своя тайна в поэзии, тихая интонация, до которой мы еще не доросли? Темы любви и смерти — корневые для русского художника. Он ими как бы испытывается, проверяется на прочность. В выверенных, предметных, выпуклых стихах Вадима Шефнера эта смертельная тематика еще явственнее проглядывает и обдает нас брызгами мирового океана (жизни = любви):

Марианна Дударева — литературовед, фольклорист, кандидат филологических наук. Окончила Ивановский государственный университет, филологическое отделение (выпускница кафедры русской словесности и культурологии, ученица фольклориста В. А. Смирнова) и аспирантуру филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. В настоящее время является преподавателем кафедры русского языка ФРЯ и ОД РУДН. Лауреат премии им. Владимира Лакшина (2017). Автор более 100 научных статей о русской литературе и фольклоре и монографий «„В один голос“: фольклорная традиция в поэтике С. А. Есенина и В. В. Маяковского» (2016), «Mortality in Russian literature» (2017), «Ни то ни се. Неправильное литературоведение» (2017), «Поиски „иного царства“ в русской литературе XIX — начала XX века: фольклорная эстетика» (2018).

Вот и кончен далекий поход, —
 Не лекарство ты пьешь из стакана:
 Это губы твои обдает
 Горьковатая зыбь Океана.

В. Маяковский, показавший *на блюде студня косые скулы океана*, явно бы высоко оценил. От этих строк веет Серебряным веком, в который не уместился дар поэта, родившегося в 1915 году, но примеченного в 1940-е годы его последним представителем — А. А. Ахматовой. Жизнь — поход, поиск «инога царства», а смерть — не горькое лекарство, а лодка, которая несет тебя по мировым водам. Но куда? К кому?

А вот есть такие стихи, написанные годом позже, которым сегодня ровно 60 лет, со странным названием «Средний возраст»:

А где-то там, куда нам не вернуться,
 В далеком детстве, в юности, вдали, —
 По-прежнему ревнуют, и смеются,
 И верят, что придут корабли.

У возраста туда не отпроситься, —
 А там не смяты травы на лугу,
 И Пенелопа в выгоревшем ситце
 Все ждет меня на давнем берегу.

Сидит, руками охватив колено,
 Лицом к неугасающей заре,
 Нерукотворна, неприкосновенна, —
 Как мотылек, увязший в янтаре.

Детство, отрочество, юность, зрелость, старость — все это знакомо, понятно и уже как-то архетипически нами воспринимается, входит в нашу жизнь. А средний возраст? Что это за *средний возраст*? Может, 33... В. Высоцкий через десять лет в известном стихотворении «О фатальных датах и цифрах», ставшем песней, печально и иронично обыгрывает эту роковую ситуацию возраста поэта в России. Однако и здесь даны конкретные цифры: 26, 33, 37... А у Шефнера? Ни намек. Одна вечность! В первой строфе, в юности, вдали, в чем-то нежном и светлом, можно расслышать голос *блоковской* девушки из хора, которая по-земному грустила и одновременно по-ангельски пела о всех кораблях, ушедших в море:

Девушка пела в церковном хоре
 О всех усталых в чужом краю,
 О всех кораблях, ушедших в море,
 О всех, забывших радость свою.

Своим пением она провожала ушедших на «тот свет», сожалея и плача вместе с младенцем о предназначенном расставании, но не скорбя о *присутствии смерти* как таковой на земле, ибо это Закон Божий:

И голос был сладок, и луч был тонок,
 И только высоко, у Царских Врат,

Причастный Тайнам,— плакал ребенок
О том, что никто не придет назад.

Не придет назад — и не надо приходить! Ребенок, как существо лиминальное, то есть пограничное, принадлежащее и «тому», и «этому» миру, знает эту Тайну. Девушка и ребенок, прообразами которых считали Богородицу и Спасителя у Блока, не различаются, а акустически объединяются¹, и, думается, онтологически тоже. Кроме того, истинная слеза Спасителя не противопоставлена радости. Святитель Иоанн Златоуст, трактуя сюжет о воскрешении Лазаря, провозглашает: «Невозможно не печалиться. Это сам Христос показал, потому что прослезился над Лазарем. <...> Ведь мы плачем и о тех, которые отправляются в дорогу и различаются с нами; но — не так, как отчаивающиеся. Так и ты, плачь, как бы провожал отходящего в чужую сторону»².

Вадим Шефнер на самом деле только подтверждает эту мысль: ревнуют, плачут и смеются не знающие *пока*, а поэт, как и ребенок (а поэт всегда отчасти дитя), уже знает, что ждет его Пенелопа, которая здесь воплощает образ вечности, вневременности. Ведь она каждый раз при виде (смертных, ложных) женихов распускала свой ковер и ждала Одиссея. Но Шефнер пошел еще дальше: его возлюбленная не просто блоковская девушка-ангел, не просто античная Пенелопа, но и реальная осязаемая гумилевская подруга из «Жирафа», обнимающая колени, задумавшаяся о дальних рубежах:

Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд
И руки особенно тонки, колени обняв.

Однако у Шефнера ее лицо не заплакано, а обращено к заре, свет которой превращает лицо в лик — нерукотворный, неприкосновенный! Здесь и идеальная возлюбленная С. Есенина, *та, в которой тот же свет и которой в мире нет*, и София А. Блока, девочка из церковного хора, и загадочная спутница Н. Гумилева, мечтающая о сказках Африки. У В. Шефнера это сделано так естественно, что ты даже не сразу замечаешь все далекие подтексты, переливы и ныряния в другие эпохи, в которых творится энтелехия культуры, кроется ее тайная энергичность. Может, дело в заглавии? Оно невольно настраивает тебя на определенные временные координаты, но как только начинаешь к ним приближаться, все распадается.

Средний возраст — это середина реки, это состояние поиска «иног царства», своей идеальной возлюбленной, нерукотворный лик которой освещает тернистый путь поэтов. Именно к ней, в это далекое «туда», где ждет Пенелопа, кажется, в платье из советского ситца, устремлен лирический герой. В этом тайна тихой поэзии Вадима Шефнера, в этом его апофатика любви.

¹ См.: Приходько И. С. Церковные источники стихотворения А. Блока «Девушка пела...» // Филологические записки. Вестник литературоведения и языкознания. Вып. 9. Воронеж, 1997. С. 79.

² Златоуст Иоанн. Беседа LXII на Иоанна XI, 1 и 2 // Священное Писание в толкованиях святителя Иоанна Златоуста. Т. V. Беседы на Евангелие от Иоанна. М.: Ковчег, 2006. С. 587—588.